

Александра
Ветрова

Иногда
самая опасная
любовь —
та, что рядом...

Кавказец

ТЫ БУДЕШЬ
МОИМ МУЖЕМ

Александра Ветрова

Кавказец. Ты будешь моим мужем

<https://litres.ru/74577963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Воронцова, молодая московская архитектор, после смерти отца обнаруживает, что его прошлое связано с опасными людьми. Загадочное сообщение о синей папке и внезапное появление Тимура Асланова — властного мужчины с Кавказа — переворачивают её жизнь. Он предлагает ей фиктивный брак как единственный способ защитить её от тех, кто охотится за документами, способными уничтожить влиятельного бизнесмена Рустама Каримова.

Алина соглашается, ещё не зная, что этот договор станет началом настоящей любви. Переезд в горный дом Аслановых, где царят строгие традиции и не все рады чужачке, сближает их. Но чем сильнее разгорается страсть, тем ближе подбирается опасность. Тимур скрывает правду о своём прошлом, а Алина находит фотографию, доказывающую: их семьи были связаны задолго до их встречи. Когда тайны выходят наружу, а враг наносит последний удар, им придётся выбрать: довериться друг другу или потерять всё.

Александра Ветрова

Кавказец. Ты будешь моим мужем

Глава 1. Чужой мужчина на похоронах

Москва, казалось, решила оплакать Аркадия Воронцова вместе с его дочерью. Небо с самого утра затянуло тяжелым, свинцовым одеялом, и мелкий, колючий дождь безостановочно барабанил по крышам и зонтам, превращая мир в серую, размытую акварель. Алина стояла у свежей могилы, чувствуя, как сырость пробирается сквозь черное шерстяное пальто, заползает под кожу, леденит кости. Она не плакала. Слезы, казалось, высохли где-то глубоко внутри, оставив после себя лишь выжженную пустыню и тупую, ноющую пустоту. Слова священника, тихие и скорбные, плыли мимо ее сознания, не задевая. Она смотрела на фотографию на венке — отец улыбался ей с портрета, молодой, сильный, с хитринкой в глазах, — и не могла поверить, что этого человека больше нет.

Воронцов-старший умер внезапно. Остановилось сердце. Врачи разводили руками, говорили о возрасте и стрессе, но Алина чувствовала подвох. Слишком уж странным было это совпадение: за неделю до смерти отец позвонил ей, что было редкостью, и голос его звучал... странно. Напряженно. Он

просил приехать, поговорить о чем-то важном, но она, закрученная в водовороте собственных проблем с очередным архитектурным проектом, обещала выбраться на выходных. Не выбралась. Теперь этот невысказанный разговор давил на нее тяжким грузом вины.

Толпа скорбящих начала редеть. Коллеги по цеху, дальние родственники, какие-то смутно знакомые лица — все они подходили, бормотали стандартные соболезнования, пожимали ей руку и исчезали в пелене дождя, спеша вернуться к своим теплым, живым делам. Алина отвечала кивком, механически, как заведенная кукла. Она хотела остаться одна. Просто постоять, подышать этим промозглым воздухом, попытаться осознать масштаб образовавшейся в ее жизни дыры.

Именно тогда она его и заметила.

Он стоял поодаль, у ограды кладбища, не присоединяясь к процессии, но и не уходя. Высокий, широкоплечий, в строгом темном пальто, которое сидело на нем безупречно, словно было сшито на заказ. Его лицо, с резкими, волевыми чертами и глубоко посаженными глазами, было непроницаемым. Он не смотрел на могилу. Он смотрел на нее. Его взгляд был тяжелым, изучающим, словно он видел ее насквозь, читал мысли, подмечал малейшее движение души. В нем не было ни капли праздного любопытства, лишь холодная, сосредоточенная оценка. Алину это покорило. Она привыкла быть архитектором своей жизни, но здесь, сейчас,

она чувствовала себя чертежом на столе у незнакомого эксперта.

Когда последние люди ушли, и у могилы остались лишь она да этот странный наблюдатель, мужчина наконец двинулся с места. Его шаги были бесшумными, уверенными. Он подошел и остановился в двух шагах от нее, сохраняя дистанцию, но от его присутствия воздух вокруг словно сгустился, стал плотным, электрическим.

— Алина Аркадьевна? — Голос у него был низкий, с едва уловимой хрипотцой и легким, почти неуловимым акцентом, который она не смогла бы определить. Он звучал спокойно, но в этой спокойствии чудилась сжатая до предела пружина.

— Да, — ответила она, непроизвольно выпрямляясь. — Вы... друг отца?

— Можно и так сказать, — он чуть склонил голову набок, и в его темных, как горная ночь, глазах мелькнула тень, которую Алина не успела разгадать. — Меня зовут Тимур Асланов. Ваш отец просил меня присмотреть за вами.

Фраза упала в тишину, как камень в стоячую воду. Алина почувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение, замешанное на усталости и горе. Присмотреть? Кем он себя возомнил? Ангелом-хранителем по доверенности?

— Простите? — ее голос зазвенел от холода, который не имел ничего общего с промозглой погодой. — Мой отец ни словом не обмолвился о вас. И я не нуждаюсь в няньках.

Особенно в чужих мужчинах, которые появляются на похоронах, как черти из табакерки.

Она ожидала, что он смутится, начнет оправдываться или, наоборот, проявит агрессию. Но Тимур лишь едва заметно усмехнулся, и эта усмешка не коснулась его глаз. Она была горькой, как полынь.

— Я понимаю вашу реакцию. Поверьте, я не ищу вашего общества. Но у меня есть обязательства перед вашим отцом. И я их выполню, нравится вам это или нет.

— Обязательства? — Алина сделала шаг вперед, вскинув подбородок. — Какие еще обязательства? Вы были его деловым партнером? Кредитором? Соболезную, но все финансовые вопросы решает юрист. Я не в настроении обсуждать дела на могиле.

— Это не финансовые вопросы, — отрезал он, и в его голосе впервые прорезалась сталь. — Это вопросы безопасности. Вашей безопасности, Алина Аркадьевна. И, поверьте моему опыту, они куда серьезнее, чем вы можете себе представить.

Она хотела ответить резкостью, хотела послать его куда подальше со всеми его загадочными обязательствами и мнимой заботой. Но что-то в его тоне — не угроза, а скорее мрачная констатация факта — заставило ее замолчать. Слова застряли в горле. Слишком много странностей было в последнее время. Слишком много недосказанности.

— Я вас не знаю, — произнесла она наконец, и в ее голосе

прорезалась усталая обреченность. — И я не привыкла доверять незнакомцам.

— Это правильно, — неожиданно легко согласился он. — Не доверяйте. Но и не отмахивайтесь от того, что я говорю. Просто будьте внимательны. Если заметите что-то необычное, странный звонок, слежку, — сразу звоните. — Он протянул ей визитную карточку. Минималистичный дизайн, лишь имя и номер телефона. Никаких должностей, никаких названий компаний. — Это все, что я могу сказать сейчас. Остальное — не здесь.

Алина не взяла карточку. Она просто смотрела на него, пытаясь понять, кто перед ней: сумасшедший, мошенник или кто-то, кто действительно знал ее отца лучше, чем она сама.

— Уходите, — тихо, но твердо сказала она. — Пожалуйста. Оставьте меня одну.

Тимур выдержал паузу, его взгляд скользнул по ее бледному, упрямому лицу, по плотно сжатым губам. Он не стал настаивать. Лишь молча положил визитку на край мраморной скамьи рядом с могилой и, развернувшись, пошел прочь. Его фигура быстро растворилась в серой мгле дождя, словно ее и не было.

Алина осталась одна. Она смотрела на визитку, лежащую на холодном камне, и чувствовала, как внутри борются два противоположных чувства: злость на этого самоуверенного незнакомца и ледящий душу страх, который его появле-

ние посеяло в ее сердце. Она не взяла визитку. Пусть лежит. Пусть все это окажется дурным сном, мороком, порожденным усталостью и горем.

Домой она вернулась уже в сумерках. Квартира, которую они с отцом делили последние несколько лет, встретила ее тишиной и запахом пыли. Здесь все осталось так, как было при нем. Его кресло, его чашка на столе, его газеты. Алина прошла в свою комнату, сбросила мокрое пальто и, не включая свет, опустилась на кровать. Она чувствовала себя выжатой до предела. События дня — похороны, этот странный Тимур, его слова — все смешалось в один тяжелый, липкий ком.

Телефон в сумочке ожил с коротким, резким звуком. Это был не звонок, а сообщение. Алина нехотя достала смартфон. На экране светилось уведомление от неизвестного номера. Она нахмурилась и открыла его.

«Не верь тому, что написано в завещании. И никому не отдавай синюю папку. Ты должна найти ее первой. Это вопрос твоей жизни».

Сердце Алины пропустило удар, а затем пустилось вскачь. Она перечитала сообщение раз, другой, третий. Буквыплыли перед глазами. Синяя папка? Она никогда не слышала ни о какой синей папке. В завещании, которое ей зачитали сегодня утром у нотариуса, не было ни слова о каких-либо папках. Только дом, счета и распоряжение похоронить его рядом с матерью. Что за бред? Кто это прислал? Тот же чело-

век, что и Тимур? Или кто-то другой?

Внезапно ее осенило. Тимур. «Вопрос безопасности». «Присмотреть за вами». Все это было связано. И это сообщение — лишь подтверждение его словам.

В этот момент в коридоре, за входной дверью, послышался тихий, почти неразличимый звук. Скрип. Словно кто-то осторожно надавил на дверное полотно, проверяя, заперто ли оно. Алина замерла, прислушиваясь. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все остальные звуки. Она жила на двенадцатом этаже, и соседи давно спали. Тишина в подъезде была абсолютной.

Звук повторился. Теперь он был отчетливее. Кто-то стоял за ее дверью. И этот кто-то явно не собирался звонить в дверной звонок. Затем послышался едва уловимый металлический лязг. Кто-то очень осторожно, почти профессионально, возился с замком.

Ужас, липкий и холодный, сковал Алину, пригвоздив к кровати. Она вжалась в матрас, боясь даже дышать. В голове билась одна мысль: «Он был прав. Этот Тимур был прав». Она вспомнила его слова: «Если заметите что-то необычное... сразу звоните».

Телефон! Он был в ее руке. Дрожащими, непослушными пальцами она открыла список контактов. У нее не было его номера. Она не взяла визитку. Паника накатила удушающей волной, грозясь утопить в себе. Но затем, сквозь пелену ужаса, пробилась холодная, ясная мысль: сообщение. Оно при-

шло с неизвестного номера. Может быть, это он?

Она открыла сообщение и, не раздумывая больше ни секунды, нажала на кнопку вызова. Гудки шли один за другим, казалось, целую вечность. Лязг в замке стал громче, настойчивее. Она слышала, как проворачивается какая-то отмычка.

Наконец, на другом конце провода раздался щелчок, и низкий, спокойный голос, тот самый голос, который она слышала всего несколько часов назад на кладбище, произнес:

— Я слушаю.

Алина открыла рот, чтобы закричать, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный, панический шепот: — Он здесь. Кто-то ломает дверь.

Глава 2. Я знаю, кто вас ищет

В трубке повисла пауза, длившаяся, казалось, целую вечность. Алина слышала собственное дыхание — рваное, частое, — и где-то на периферии сознания отметила, что за дверью на мгновение стало тихо. словно тот, кто возился с замком, тоже замер, почувствовав неладное. А потом голос Тимура, резкий и собранный, разрубил эту звенящую тишину, как клинок:

— Не открывайте. Отойдите от двери. В дальнюю комнату. Живо.

Это был не совет. Это был приказ, отданный тоном человека, привыкшего, что ему подчиняются без промедления.

И Алина, которая всю свою сознательную жизнь терпеть не могла, когда ей указывали, что делать, вдруг обнаружила, что ноги сами несут ее прочь от входной двери, вглубь квартиры, в спальню. Она вжалась в угол между шкафом и стеной, прижав телефон к уху, как единственную нить, связывающую ее с реальностью.

— Я вызвал людей, — продолжал Тимур, и в его голосе слышался шум мотора, словно он уже куда-то ехал. — Они будут через семь минут. Вы слышите меня, Алина? Семь минут. Не открывайте дверь, что бы ни происходило. Если начнут ломать — уходите на балкон, там пожарная лестница. Но только в крайнем случае. Поняли?

— Поняла, — прошептала она, хотя внутри все кричало от ужаса. Мысль о том, что придется выбираться на балкон двенадцатого этажа под проливным дождем, показалась ей чудовищной. Но еще чудовищнее была мысль о том, что кто-то вот-вот войдет в ее квартиру.

За дверью снова послышался звук. Теперь он был другим — глухой удар, словно кто-то приложил к замку тяжелый предмет. Алина вздрогнула, едва не выронив телефон.

— Они не будут ломать, — вдруг произнес Тимур, и в его голосе прорезалась странная, холодная уверенность. — Слишком шумно. Они просто проверяют. Убеждаются, что вы дома. Что ж, теперь они это знают.

— Что им нужно? — Алина сама не заметила, как начала говорить шепотом, словно те, за дверью, могли ее услышать.

— Кто они такие? И откуда вы все это знаете?

— Я расскажу. Все расскажу. Но не по телефону. Сейчас главное — чтобы вы остались в квартире и не высовывались. Я буду у вас через пять минут.

— Пять? Вы сказали — семь.

— Я еду быстрее, чем думал, — коротко ответил он, и в трубке послышался звук, похожий на визг тормозов. — Все. Отключаюсь. Не открывайте никому, кроме меня. И не звоните в полицию.

— Почему не звонить в полицию? — возмутилась Алина, но в ответ услышала лишь короткие гудки.

Она осталась одна в темной спальне, прижавшись спиной к холодной стене, с телефоном в руке, который теперь казался бесполезным куском пластика. За дверью стало тихо. Слишком тихо. Она напрягла слух, пытаясь уловить хоть какой-то звук, но слышала лишь стук собственного сердца, отдающийся в ушах гулким набатом. Прошла минута. Другая. Третья. Тишина стала невыносимой, давящей, как предгрозовое небо. Алина начала считать вдохи и выдохи, чтобы хоть как-то унять дрожь в руках. Раз. Два. Три. Четыре...

Когда прошло, по ее подсчетам, около четырех минут, в коридоре раздался резкий, требовательный звонок. Алина вздрогнула, едва не вскрикнув. Звонок повторился, настойчивее, а затем она услышала голос — низкий, спокойный, с той самой едва уловимой хрипотцой:

— Алина, это я. Открывайте.

Она не сразу решилась. Подошла к двери на ватных ногах, приникла к глазку. Тимур стоял на пороге, и в его облике было что-то неуловимо изменившееся. Он больше не походил на сдержанного, холодного незнакомца с кладбища. Пальто было расстегнуто, ворот рубашки смят, на виске билась жила. Он выглядел собранным, как хищник перед прыжком, и от этого его присутствие одновременно пугало и успокаивало. За его спиной Алина разглядела еще двоих мужчин, стоявших чуть поодаль, у лифта. Они не смотрели на дверь, их взгляды были направлены на лестничную клетку и в сторону окон.

Алина отперла замок — пальцы не слушались, и это заняло целую вечность — и отступила в сторону. Тимур вошел стремительно, заполнив собой все пространство маленькой прихожей. Он бросил быстрый взгляд по сторонам, оценивая обстановку, затем повернулся к ней. Его глаза, темные и внимательные, прошли по ее лицу, по дрожащим рукам, по тому, как она вжалась в стену.

— Вы целы? — спросил он, и в этом вопросе было столько неподдельной тревоги, что Алина на мгновение растерялась.

— Да... то есть, я не знаю. Кажется, да. Они ушли?

— Ушли, — подтвердил он. — Но это ничего не значит. Они вернутся.

Он прошел вглубь квартиры, не спрашивая разрешения, как хозяин. Алина последовала за ним, чувствуя, как из нее медленно вытекает адреналин, оставляя после себя против-

ную слабость в коленях и тошнотворную пустоту под ложечкой. Тимур остановился посреди гостиной, оглядел разбросанные вещи, приоткрытую дверцу шкафа — следы ее панического бегства, — и тяжело вздохнул.

— Сядьте, — сказал он, кивнув на диван. — У вас вид человека, который вот-вот упадет.

— Я не... — начала Алина, но осеклась, поняв, что действительно еле держится на ногах. Она опустилась на диван, обхватив себя руками за плечи. — Кто вы такой, черт возьми? И что происходит?

Тимур не ответил сразу. Он прошел к окну, выглянул на улицу, затем задернул шторы. Только после этого повернулся к ней, и в его взгляде читалась странная смесь усталости и решимости.

— Я знаю, кто вас ищет, — произнес он, и эти слова упали в тишину комнаты, как гири. — И, к сожалению, я знаю, почему. Но прежде чем я объясню, вы должны кое-что увидеть.

Он полез во внутренний карман пальто и достал небольшой конверт, потертый, с загнутыми углами. Алина смотрела на него, затаив дыхание, чувствуя, что сейчас, в эту минуту, привычная картина мира, которую она так старательно выстраивала годами, начнет трещать по швам. Тимур открыл конверт и вытряхнул на журнальный столик фотографию. Старую, выцветшую, с белесыми разводами по краям, словно она много лет пролежала в сыром месте.

Алина наклонилась, всматриваясь. На снимке были двое

мужчин. Они стояли на фоне гор — она узнала характерные очертания Кавказского хребта, — оба улыбались, оба выглядели моложе лет на десять, чем сейчас. Одним из них был ее отец. Аркадий Воронцов, с густой шевелюрой, еще без седины, в расстегнутой рубашке, с неизменной своей хитринкой в глазах. А вторым... вторым был Тимур. Моложе, без морщин у губ, с более длинными волосами, но это был он. Несомненно, он.

Алина отшатнулась, словно фотография обожгла ей пальцы.

— Что это? — выдохнула она. — Откуда это? Вы... вы знали моего отца?

— Знал, — подтвердил Тимур, и в его голосе прозвучала глухая, старая боль. — Гораздо лучше, чем вы можете себе представить. И, боюсь, гораздо лучше, чем знали его вы.

— Это неправда, — Алина покачала головой, отказываясь верить. — Я знала отца. Он никогда... он никогда не говорил о вас. Ни разу. У него не было никаких знакомых на Кавказе. Он был москвич, он всю жизнь...

— Он много чего вам не рассказывал, — перебил ее Тимур, и в его голосе не было ни капли сочувствия, лишь жестокая прямота. — Ваш отец, Алина Аркадьевна, был не просто архитектором. И его жизнь, и его смерть — все это связано с очень опасными людьми. Я был его партнером. Давно. Очень давно. Мы вместе начинали одно дело, которое... в общем, оно закончилось трагедией. Для моей семьи.

И для вашей тоже.

Алина слушала, и внутри нее поднималась волна холодного, липкого гнева. Этот человек, этот незнакомец, сидел в ее доме, говорил о ее отце так, словно знал его лучше, чем она, и при этом не давал ни одного внятного ответа.

— Вы лжете, — сказала она, и голос ее дрожал от едва сдерживаемой ярости. — Вы просто пользуетесь тем, что отец умер, чтобы... чтобы что? Получить что-то? Деньги? Дом? Что вам нужно?

Тимур смотрел на нее без злости, без обиды. В его глазах было что-то другое — тяжелое, усталое понимание.

— Ваш отец перед смертью передал мне часть документов, — сказал он ровно. — И попросил защитить вас. Эти документы связаны с крупной сделкой десятилетней давности. Земля. Очень много земли. Тогда погибли люди. И сейчас те, кто стоит за этой сделкой, хотят вернуть бумаги. Любой ценой. Ваш отец хранил у себя копии. И, судя по тому, что этой ночью к вам пришли, они думают, что бумаги у вас.

— У меня ничего нет, — Алина беспомощно развела руками. — Я не знаю ни о каких документах. Я не знаю ни о какой сделке. Я вообще ничего не знаю!

— Знаю, — кивнул Тимур. — Но они этого не знают. И это делает вас мишенью. Вы понимаете? Они будут приходить снова. И снова. Пока не получают то, что ищут. Или пока не решат, что проще вас убрать.

Слова «проще вас убрать» прозвучали в теплой, уютной

гостиной так чудовищно, так инородно, что Алина поежилась. Она вспомнила сообщение о синей папке, вспомнила лязг в замке, вспомнила холодный, оценивающий взгляд Тимура на кладбище. Все сходилось. Слишком много совпадений, чтобы быть простой случайностью.

— Вы сказали, что отец просил вас защитить меня, — произнесла она медленно, пытаясь уложить в голове обрывки информации. — Но я вам не верю. Я не знаю вас. И я не понимаю, почему должна доверять человеку, который появился из ниоткуда и утверждает, что знал моего отца лучше меня.

Тимур поднялся с дивана, подошел к ней, и Алина невольно вжалась в спинку, когда он опустился на корточки перед ней, оказавшись на одном уровне с ее лицом. Его глаза были совсем близко — темные, как горная река, с золотистыми искрами в глубине. В них не было ни угрозы, ни фальши. Только усталость и что-то еще, чему она не могла найти названия.

— Я не прошу вас верить мне, — сказал он тихо. — Я прошу вас доверять здравому смыслу. Сегодня ночью к вам ломались. Завтра придут снова. Я могу вас защитить. Это все, что я предлагаю. Пока вы не поймете, что происходит. Пока не найдете папку. Пока не решите, что с ней делать.

— А если я откажусь? — спросила Алина, и в ее голосе прозвучал вызов, за которым она прятала страх.

— Тогда я иду, — просто ответил он. — И оставлю вам

свой номер. Но, боюсь, в этом случае следующего раза я могу не успеть.

Он выпрямился и отошел к окну, давая ей пространство для размышлений. Алина сидела, глядя на его широкую спину, на то, как он напряженно всматривается в щель между шторами, словно ждет, что из темноты вот-вот вынырнет что-то страшное. И она поняла, что он прав. Что бы ни было правдой, а что ложью, но сегодняшняя ночь доказала одно: она в опасности. А этот человек, каким бы странным и пугающим он ни казался, был единственным, кто знал, что происходит.

— Хорошо, — сказала она наконец, и голос ее прозвучал глухо, словно издалека. — Я вас выслушаю. Но я не обещаю, что поверю.

Тимур обернулся, и на его губах мелькнула едва заметная, горькая улыбка.

— Этого пока достаточно, — сказал он. — А теперь слушайте внимательно. Завтра сюда придут люди, которые будут выглядеть как полиция. Может быть, как сотрудники управляющей компании. Может быть, как ваши старые знакомые. Они будут задавать вопросы. Много вопросов. И они будут очень убедительны. Но вы не должны с ними разговаривать. Вообще. Никак. Если они позвонят в дверь — не открывайте. Если остановят на улице — уходите. Если начнут давить — звоните мне. Немедленно. Вы поняли?

Алина кивнула, чувствуя, как горло сжимается от новой

волны страха. Завтра. Они придут завтра.

— У меня есть еще один вопрос, — сказала она, и Тимур приподнял бровь, ожидая продолжения. — Если вы знали отца... если вы были партнерами... то где были вы все эти годы? Почему он ни разу не упомянул о вас?

Тимур долго молчал, глядя в сторону, и когда заговорил, голос его был ровным, но в нем слышалась старая, глухая боль, словно он говорил о чем-то, что до сих пор кровоточило.

— Потому что ваш отец сделал все, чтобы вы никогда не узнали ни обо мне, ни о том, что произошло. Он хотел защитить вас. От прошлого. От меня. И, возможно, от самого себя.

Он снова замолчал, а затем добавил, тише:

— А теперь идите спать. Я останусь в гостиной. И, Алина... — он выдержал паузу, и она почувствовала на себе тяжесть его взгляда, — закройте дверь в спальню. На всякий случай.

Алина поднялась, чувствуя себя разбитой и опустошенной. Она прошла в свою комнату, закрыла дверь и действительно повернула ключ — впервые в жизни. Прислонилась лбом к холодному дереву, закрыла глаза. За дверью было тихо. Только где-то в глубине квартиры, в гостиной, слышался едва уловимый звук шагов — размеренных, спокойных, словно часовой на посту.

Она забралась в постель, не раздеваясь, и уставилась в по-

толок. Сон не шел. В голове крутились обрывки фраз, лица, звуки. Синяя папка. Сделка. Погибшие люди. Отец, который, оказывается, был совсем не тем, кем она его считала. И этот Тимур — с его темными глазами, с его голосом, от которого по коже бежали мурашки, с его обещанием защитить.

Алина перевернулась на бок, обняла подушку. Завтра. Завтра они придут. И завтра ей придется решить, кому верить. Но сейчас, в этой звенящей, тревожной тишине, она знала одно: она больше не одна. И это одновременно пугало и... успокаивало.

За стеной, в гостиной, Тимур стоял у окна, глядя на ночную Москву. Его телефон завибрировал. Он взглянул на экран — короткое сообщение от одного из своих людей: «Они ушли. Но вернутся. Наблюдение установлено». Тимур убрал телефон, не ответив. Он знал, что вернутся. Знал, что это только начало. И знал, что завтра, когда начнется настоящая охота, ему придется сделать то, чего он поклялся никогда не делать. Снова впустить в свою жизнь чужого человека. И, возможно, снова потерять.

Он сжал кулаки, глядя на темные окна напротив. В одном из них мелькнул силуэт. Кто-то наблюдал. За ней. За ним. За ними обоими.

«Что ж, — подумал он, и на его губах появилась жесткая, решительная усмешка. — Поиграем».

Но он еще не знал, что завтрашний день принесет ему не только новую схватку с врагом, но и первый, робкий, почти

невозможный шаг к тому, чего он боялся больше всего на свете. К доверию. К близости. К женщине, которая уже начинала разрушать все стены, которые он так старательно возводил годами.

Глава 3. Ты будешь моей женой

Утро пришло серое, промозглое, словно продолжение вчерашнего кошмара, только теперь к страху примешивалась тупая, ноющая головная боль. Алина проснулась от того, что в квартире пахло кофе — крепким, с кардамоном, — и этот запах был настолько чуждым ее нынешней жизни, что она несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь сообразить, где находится и почему в ее доме хозяйничает чужой мужчина. Память вернулась рывком, обжигая стыдом и злостью. Она села в постели, все еще одетая со вчерашнего дня, с прижатой щекой и колтуном волос на затылке, и почувствовала себя препаскудно.

В гостиной Тимур стоял у окна с чашкой в руке, одетый в ту же рубашку, что и вчера, только теперь рукава были закатаны до локтей, обнажая крепкие предплечья с тонкой сеткой шрамов — один, длинный, белесый, пересекал левую руку от запястья почти до локтя. Алина невольно задержала на нем взгляд, и Тимур, перехватив его, спокойно пояснил:

— Старая история. Не обращайтесь внимания.

— Я и не обращаю, — соврала она, отводя глаза. — Вы что, всю ночь не спали?

— Спал. Два часа. Достаточно.

Он протянул ей вторую чашку — дымящуюся, с идеальной пенкой, — и Алина, поколебавшись, взяла. Кофе был именно таким, как она любила: без сахара, но с щепоткой кардамона. Она удивилась, но спрашивать не стала. Слишком много странностей за последние сутки, чтобы удивляться еще и кофе.

— Нам нужно поговорить, — сказал Тимур, усаживаясь в кресло напротив. — Серьезно. Вчера я сказал вам только часть правды. Сегодня вы должны узнать остальное.

— Должна? — Алина приподняла бровь, отпивая кофе. Горячий напиток обжег горло, но это было приятно, отрезвляюще. — Вы говорите так, будто у меня есть выбор.

— Выбор есть всегда, — ответил он, и в его голосе прозвучала странная, холодная честность. — Но иногда он заключается лишь в том, как именно ты встретишь неизбежное.

Он поставил чашку на стол и подался вперед, опершись локтями на колени. Его лицо в утреннем свете казалось еще более резким, выточенным, словно из камня. Тени под глазами стали глубже, и Алина впервые подумала, что этому человеку, должно быть, тяжелее, чем ей. Гораздо тяжелее. Он носит свою ношу годами, а она только вчера узнала, что у нее вообще есть ноша.

— Вчера ночью, — начал Тимур, — к вам приходили люди Рустама Каримова. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

Алина нахмурилась, роясь в памяти. Что-то смутное, да-

лекое, как отголосок чужого разговора. Каримов. Она слышала эту фамилию. Отец упоминал его однажды, много лет назад, вскользь, с той особой интонацией, которую она тогда не поняла, а сейчас вспомнила с внезапной ясностью. Это была интонация человека, который говорит о чем-то опасном и старается не выдать своего страха.

— Кажется, отец знал его, — сказала она медленно. — Давно. Они вместе работали?

— Можно и так сказать, — Тимур усмехнулся, и в этой усмешке было столько горечи, что Алина поежилась. — Ваш отец, мой отец и Рустам Каримов когда-то были партнерами. Три семьи, одно дело. Земля в Ставропольском крае, большие деньги, большие планы. А потом... потом все пошло не так. Погиб человек. Мой дядя. И с этого момента началась война, которая длится уже больше десяти лет.

Алина слушала, затаив дыхание. Она чувствовала, как мир, который она знала, — уютный, понятный, состоящий из чертежей, проектов, дедлайнов и редких ужинов с отцом, — трещит по швам, обнажая под собой что-то темное, чужое, страшное.

— Кто погиб? — спросила она тихо.

— Мой дядя, — повторил Тимур, и в его голосе впервые прорезалась боль — глухая, старая, но все еще живая. — Он был хорошим человеком. Настоящим. Он поехал на объект, чтобы разобраться в документах, и... там был пожар. Официально — несчастный случай. Неофициально — все знали,

что это поджог. И все знали, кто за ним стоит.

— Каримов?

Тимур кивнул, и его лицо на мгновение стало жестким, словно высеченным из гранита.

— Он. Но доказать не смогли. Ваш отец пытался. Мой отец пытался. Их обоих... скажем так, убедили замолчать. Ваш отец уехал в Москву, начал все заново. Мой отец остался на Кавказе, но отошел от дел. Каримов же, наоборот, пошел в гору. Сейчас он — один из самых влиятельных людей в крае. И он до сих пор боится того, что может всплыть наружу.

— И что может всплыть? — Алина отставила чашку, потому что руки начали дрожать. — Что в этих документах?

— Доказательства, — коротко ответил Тимур. — Доказательства того, что сделка была незаконной, что землю отняли у людей, что пожар был поджогом. Доказательства, которые могут уничтожить Каримова. Ваш отец собирал их годами. Он передал мне часть бумаг перед смертью. Сказал, что остальное — у вас. Что вы найдете.

— Но я ничего не находила! — воскликнула Алина, и в ее голосе зазвенело отчаяние. — Я не знаю ни о какой папке! Я даже не знала, что отец вообще чем-то таким занимался! Он был архитектором, он проектировал дома, он...

— Он был не только архитектором, — перебил ее Тимур, и в его голосе прозвучала жесткая, неумолимая правда. — Ваш отец был свидетелем. Единственным живым свидетелем

того, что произошло десять лет назад. И он знал, что за ним следят. Поэтому он молчал. Поэтому он не рассказывал вам. Он пытался защитить вас, Алина. Точно так же, как пытаюсь я.

Алина вскочила с дивана, не в силах больше сидеть. Она заметалась по комнате, чувствуя, как внутри все кипит от гнева, страха и какой-то чудовищной, несправедливой обиды. Отец. Он скрывал от нее все это. Годами. Он жил рядом, улыбался, спрашивал о ее проектах, пил с ней чай по вечерам — и все это время знал, что за ним охотятся. Знал и молчал.

— Почему он не сказал мне? — произнесла она, останавливаясь и глядя на Тимура. — Почему он не доверился мне?

— Потому что знал, что вы полезете разбираться, — ответил Тимур без обиняков. — Потому что вы, Алина Аркадьевна, из тех людей, которые не умеют сидеть сложа руки. Я видел вас вчера. Вы не из пугливых. Но иногда лучший способ защитить человека — это не рассказывать ему правду.

— Это глупость, — отрезала Алина. — Это трусость. Он должен был сказать мне.

— Возможно, — согласился Тимур, и в его голосе не было ни капли осуждения. — Но он поступил так, как считал нужным. А теперь мы имеем то, что имеем. Каримов знает, что документы существуют. Он знает, что вы — ключ к ним. И он не остановится, пока не получит их. Или пока не уберет вас.

Слова «уберет вас» прозвучали с той же холодной, дело-

вой интонацией, что и вчерашнее «проще вас убраться». Алина вздрогнула, но не отвела взгляда. Она смотрела на Тимура, на его спокойное, сосредоточенное лицо, и пыталась понять, что движет этим человеком. Долг? Месть? Или что-то еще, более глубокое, что он скрывает даже от себя?

— И что вы предлагаете? — спросила она, скрестив руки на груди. — Вы же не просто так пришли. У вас есть план.

Тимур поднялся, и они оказались так близко, что Алина почувствовала запах его одеколона — сдержанный, древесный, с едва уловимой горькой ноткой. Он смотрел на нее сверху вниз, и в его глазах была странная, напряженная решимость, словно он готовился прыгнуть в ледяную воду.

— Есть, — сказал он. — Но вам он не понравится.

— Говорите.

Тимур выдержал паузу, и в этой паузе Алина услышала тиканье часов на стене — громкое, настойчивое, отсчитывающее секунды до чего-то важного.

— Я не могу постоянно находиться рядом с вами, — начал он медленно, тщательно подбирая слова. — Это вызовет подозрения. У Каримова везде глаза. Если он увидит, что я охраняю вас, он поймет, что документы — у вас. И тогда он нанесет удар раньше, чем мы будем готовы.

— И?

— И есть только один способ обеспечить вашу безопасность, не привлекая внимания. Официальный. Легальный. Такой, который не вызовет вопросов ни у Каримова, ни у его

людей.

Алина нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает смутное, тревожное предчувствие. Она уже догадывалась, что он скажет, и это «что-то» ей категорически не нравилось.

— Какой? — спросила она, хотя уже знала ответ.

Тимур посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни колебаний, ни сомнений. Только холодная, выверенная необходимость.

— Вы должны стать моей женой, — сказал он. — Фиктивно. На бумаге. Мы распишемся, вы переедете ко мне. В моем доме вы будете в безопасности. Моя семья, мой клан — это щит, который Каримов не посмеет пробить. А я получу законное право находиться рядом с вами. Днем и ночью. Без вопросов и подозрений.

Алина отшатнулась, словно он ударил ее. Внутри все вскипело, забурлило, ударило в голову горячей волной. Она смотрела на этого человека — на его невозмутимое, самоуверенное лицо, на его спокойные, холодные глаза — и чувствовала, как ее захлестывает ярость, чистая, ослепляющая, лишенная всякой логики.

— Вы с ума сошли, — произнесла она, и голос ее дрожал от гнева. — Вы серьезно? Вы предлагаете мне выйти за вас замуж? Фиктивно? Я вас знать не знаю! Я вас вчера впервые увидела! Вы... вы вообще понимаете, что говорите?

— Понимаю, — ответил Тимур ровно, без тени смущения. — И я не предлагаю вам делить со мной постель. Не

предлагаю вам любить меня. Я предлагаю вам защиту. Взамен вы получите крышу над головой, еду, безопасность и возможность разобраться в том, что происходит. Когда все закончится, мы разведемся. Никаких обязательств. Никаких претензий. Только бумага, которая даст мне право быть рядом.

— Это безумие, — повторила Алина, качая головой. — Вы не можете всерьез думать, что я соглашусь.

— Я думаю, что вы умная женщина, — сказал он, и в его голосе впервые прорезалась настойчивость. — Умная и практичная. Вы архитектор. Вы умеете просчитывать конструкции. Просчитайте эту. У вас нет выбора, Алина. Либо вы принимаете мою защиту — и выживаете. Либо вы отказываетесь — и становитесь легкой мишенью. Каримов не оставит вас в покое. Ни в Москве, ни в любом другом городе. Он будет искать. И он найдет.

Алина хотела ответить резкостью, хотела выставить его за дверь, хотела закричать, что она не какая-то там вещь, которую можно передавать из рук в руки по договору. Но слова застряли в горле. Потому что где-то в глубине души, в самом темном и холодном ее углу, она знала, что он прав. Она видела лязг в замке. Она слышала шаги за дверью. Она чувствовала, как страх заползает под кожу и остается там, сворачиваясь клубком.

— У меня есть условия, — сказала она наконец, и голос ее прозвучал глухо, словно издалека.

Тимур приподнял бровь, и в его глазах мелькнула тень удивления. Он явно ожидал большего сопротивления.

— Слушаю.

— Первое: вы никогда, ни при каких обстоятельствах, не входите в мою комнату без стука. Второе: вы не указываете мне, что делать, где ходить и с кем разговаривать. Третье: вы рассказываете мне все. Всю правду. Без утайки. Если я узнаю, что вы что-то скрываете от меня, я ухожу. Немедленно. И четвертое... — она сделала паузу, собираясь с духом, — вы не врете мне. Никогда. Ни о чем. Даже если правда меня ранит.

Тимур смотрел на нее долго, не отводя взгляда. В его глазах что-то менялось — медленно, словно лед под весенним солнцем. Он словно взвешивал ее слова, проверял их на прочность, искал подвох. А потом кивнул.

— Принимается, — сказал он. — Но у меня тоже есть условие. Одно.

— Какое?

— Вы не врете мне, — произнес он, и в его голосе прозвучала странная, почти угрожающая серьезность. — Ни о чем. Никогда. Если вы что-то скрываете, если вы что-то задумали, если вы решите действовать в одиночку — скажите мне. Прямо. В лицо. Я должен знать все, что происходит в вашей голове. Иначе я не смогу вас защитить.

Алина усмехнулась, и в этой усмешке было больше горечи, чем веселья.

— Значит, мы оба обещаем не врать, — сказала она. — Забавно. Обычно люди дают такие обещания, когда собираются нарушить их при первой возможности.

— Я не нарушу, — сказал Тимур, и в его голосе было столько уверенности, что Алина почти поверила.

Почти.

Она отвернулась, подошла к окну, выглянула на улицу. Дождь закончился, но небо осталось серым, тяжелым, давящим. Где-то внизу проехала машина, брызнув водой из лужи. Обычная московская жизнь. Обычные люди. Обычные проблемы. Алина завидовала им всем. Каждому. Даже тем, кто сейчас стоял в пробке, ругаясь на дождь и на весь мир. Потому что их проблемы были решаемы. А ее — нет.

— Хорошо, — произнесла она, не оборачиваясь. — Я согласна.

Она услышала, как Тимур выдохнул — едва слышно, но она услышала. И поняла: он волновался. Ждал ее отказа. И был готов к нему. Но не хотел.

— Но запомните, — добавила она, повернувшись. — Это брак по расчету. По необходимости. Не более. Я не ваша собственность. Я не ваша женщина. Я — ваш партнер в этой операции. И когда все закончится, я уйду. Без сожалений.

— Договорились, — сказал Тимур, и на его губах появилась та самая едва уловимая усмешка, которая уже начала ее раздражать. — А теперь собирайтесь. Нам нужно уехать из Москвы. Сегодня.

— Сегодня? — Алина опешила. — Так быстро?

— Чем быстрее вы исчезнете из этого города, тем меньше у Каримова шансов вас найти. У меня частный самолет. Через два часа мы должны быть в аэропорту. Возьмите только самое необходимое. Документы. Деньги. Все остальное купим на месте.

Алина хотела возмутиться, сказать, что не может вот так взять и улететь, что у нее работа, проекты, обязательства. Но потом вспомнила, что работа сейчас была последним, о чем стоило думать. И кивнула.

Она ушла в спальню собирать вещи, чувствуя себя странно, нереально. Словно она смотрела фильм, в котором играла главную роль, и не могла повлиять на сценарий. Тимур остался в гостиной, и через приоткрытую дверь она видела, как он достал телефон и начал кому-то звонить — тихо, отрывисто, на смеси русского и какого-то гортанного, незнакомого языка. Он отдавал распоряжения. Быстро, четко, без лишних слов. И Алина поняла: это не игра. Это война. И она только что вступила в нее.

Через час они вышли из квартиры. Алина несла небольшую сумку с вещами, Тимур — ее ноутбук и папку с документами, которые она все-таки захватила, повинувшись какому-то смутному инстинкту. Внизу их ждала черная машина с тонированными стеклами. За рулем сидел один из тех молчаливых мужчин, что были вчера у лифта.

— Садитесь, — сказал Тимур, открывая ей заднюю дверь.

Алина села. Тимур обошел машину и устроился рядом, так близко, что их плечи почти соприкасались. Она хотела отодвинуться, но решила, что это будет выглядеть по-детски. Машина тронулась, мягко вливаясь в поток. Алина смотрела в окно, на проплывающие мимо дома, деревья, людей, и чувствовала, как внутри нарастает странное, тянущее чувство. Она уезжала. Уезжала из города, который был ее домом. Уезжала с мужчиной, которого не знала. Уезжала в неизвестность, где ее ждали опасность, тайны и, возможно, смерть.

И самое странное было то, что где-то глубоко, под слоями страха и злости, она чувствовала... любопытство. Да, именно так. Любопытство. Кто этот человек, что сидел сейчас рядом с ней, такой спокойный, такой уверенный, такой чужой? Что он скрывает? Что движет им? И почему, когда он говорил о своем погибшем дяде, в его глазах на мгновение вспыхнула такая боль, что у нее защемило сердце?

Она украдкой взглянула на него. Тимур смотрел в окно, и на его профиле играли тени от пролетающих мимо фонарей. Он был красив — не той слащавой, глянцевої красотой, которую она привыкла видеть в журналах, а другой — мужской, жесткой, выточенной из камня и ветра. И Алина поймала себя на мысли, что впервые за долгое время ей хочется узнать о человеке больше. Не для того, чтобы использовать. А просто... чтобы понять.

Она тут же одернула себя. Глупости. Он — инструмент. Защита. Временный союзник. Ничего больше. Она заключи-

ла сделку, и она ее выполнит. А потом уйдет. Как обещала.

Но где-то в глубине души, в том самом уголке, где еще жили надежды и мечты, она чувствовала, что эта поездка не закончится так просто. Что Кавказ, который ждал ее впереди, изменит все. И что человек, сидящий рядом, уже начал менять что-то в ней самой. Что-то, что она пока боялась назвать.

Машина выехала на шоссе, набирая скорость. Позади осталась Москва — серый, дождливый, но все-таки свой город. Впереди были горы. И неизвестность. И мужчина, который станет ее мужем. Фиктивным. Пока.

Глава 4. Жена Асланова

Самолет приземлился в Минеральных Водах, когда солнце уже клонилось к закату, разливая по небу густую, медовую позолоту. Алина никогда не была на Кавказе и теперь смотрела в иллюминатор, затаив дыхание. Внизу проплывали поля, потом появились первые отроги — темные, покрытые лесом, они вырастали из равнины неожиданно, как спящие великаны, и уходили вдаль, к самому горизонту, где терялись в сизой дымке. Воздух, едва она ступила на трап, ударил в лицо густой, пряной волной — запахом трав, нагретой земли, дыма и чего-то еще, незнакомого, терпкого, что она не смогла бы назвать. Этот воздух был другим. Он не пах дождем и бензином, как московский. Он пах жизнью — дикой, древней, необузданной.

Тимур шел впереди, уверенно, словно возвращался домой после долгого отсутствия. У трапа их ждали двое мужчин — коренастых, смуглых, с одинаковыми короткими стрижками и внимательными глазами. Они поздоровались с Тимуром по-своему, обнявшись и похлопав друг друга по плечам, перекинулись несколькими фразами на языке, который Алина не понимала, но который звучал гортанно и певуче, как горная река. Затем один из них взглянул на нее — быстро, оценивающе, — и что-то сказал Тимуру. Тот ответил коротко, с нажимом, и мужчина мгновенно отвел глаза.

— Это мои люди, — пояснил Тимур, обернувшись к Алине. — Они будут сопровождать нас до дома. Не обращайтесь внимания, если они кажутся неразговорчивыми. Они не привыкли к чужим.

— К чужим? — переспросила Алина, чувствуя, как внутри снова поднимается глухое раздражение. — Я для них чужая?

— Пока да, — ответил он без обиняков. — Но это изменится. Со временем.

Он не стал развивать эту мысль, и Алина не стала спрашивать. Она уже начала понимать, что в этом мире, куда он ее привез, слова имеют вес, а вопросы могут быть восприняты как слабость. Она не хотела выглядеть слабой. Ни перед этими молчаливыми мужчинами, ни перед Тимуром, ни — особенно — перед самой собой.

Дорога вилась между холмами, поднимаясь все выше, и с

каждым километром пейзаж становился все более диким, величественным. Вдоль обочин тянулись виноградники, потом пошли густые, темные леса, а вдалеке, за перевалом, показались снежные вершины — ослепительно белые на фоне бирюзового неба, они казались ненастоящими, нарисованными, слишком красивыми, чтобы быть правдой. Алина смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то сжимается — не от страха, нет, от какого-то странного, щемящего чувства, которое она не могла объяснить. Словно она вернулась туда, где никогда не была, но где всегда должна была оказаться.

Дом Аслановых появился неожиданно. Он стоял на вершине пологого холма, окруженный старым, запущенным садом, и в первый момент Алина приняла его за небольшую крепость — настолько массивными были стены, сложенные из грубого, темного камня. Двухэтажный, с широкой террасой, увитой виноградом, с высокими узкими окнами, он выглядел одновременно древним и ухоженным, словно его стены помнили не одно поколение, но при этом за ними следили с любовью и тщанием. Ворота открылись автоматически, и машина въехала во двор, вымощенный плоскими камнями, между которыми пробивалась трава.

Их встретили. У входа стояла женщина — немолодая, с прямой, как струна, спиной, в темном платье и платке, повязанном так, что он полностью скрывал волосы. Ее лицо, испещренное морщинами, было суровым и неподвижным, но глаза — такие же темные и глубокие, как у Тимура, — смотрели

рели внимательно и цепко. Рядом с ней переминались с ноги на ногу несколько женщин помоложе, и все они, как одна, уставились на Алину с откровенным любопытством, в котором сквозило нечто большее, чем просто интерес к госте.

— Это моя мать, — сказал Тимур тихо, наклонившись к Алине. — Фатима Аслановна. Будьте с ней... уважительны. Но не заискивайте. Она этого не любит.

Алина кивнула, чувствуя, как под этим внимательным, оценивающим взглядом ей становится не по себе. Она привыкла к другому общению — открытому, деловому, где все эмоции спрятаны за вежливыми улыбками. Здесь же все было иначе. Здесь смотрели в самую суть, и скрыть что-либо было невозможно.

Тимур подошел к матери, склонился, поцеловал ее в лоб, и что-то сказал на своем языке. Женщина выслушала, не меняя выражения лица, затем перевела взгляд на Алину. Долгий, тяжелый взгляд. Алина выдержала его, не отводя глаз. Она не собиралась прятаться. Она не сделала ничего плохого. Она здесь потому, что так нужно. И если кому-то это не нравится — что ж, это их проблема.

— Здравствуйте, — сказала она, и голос ее прозвучал ровно, без дрожи. — Меня зовут Алина. Спасибо, что принимаете меня в своем доме.

Фатима Аслановна молчала долго. Слишком долго. Затем едва заметно кивнула и произнесла — низким, глухим голосом, с сильным акцентом:

— Добро пожаловать. Ты — жена моего сына. Теперь ты — часть семьи.

Это было сказано так, что Алина сразу поняла: это не приветствие. Это констатация факта. И одновременно — предупреждение. Теперь она часть семьи. А семья — это не только права. Это обязанности. И если она не будет их выполнять, ей об этом напомнят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.